

Костяная клетка / The Bone Cage (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Костяная клетка / The Bone Cage
(рассказ)

Автор	Фил Келли / Phil Kelly
Переводчик	Serpен
Издательство	Black Library
Серия книг	Конец Времён
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Руины Мудреца, Голодный лес.

- Выбирайтесь, быстрее! Она сейчас раздавит меня!

Рёбра огромной груповозки содрогнулись, деформировавшись в попытке раздавить похожего на чучело человека, который удерживал их разведёнными. Зажатый между прутьями, согнувшийся почти горизонтально, друид вскрикнул, из последних усилий удерживая прутья костяной клетки ещё несколько драгоценных секунд, кровь заливала его спину и ступни.

Взревев, на помощь тощему друиду пришёл напоминающий бочку человек с растрёпанными белыми волосами и просунул плечи в зазор. Хотя его золотые годы уже явно миновали, у гиганта всё ещё оставалась сила старого лесоруба. Вместе мужчинам удалось удержать рёбра-прутья клетки разведёнными. Ещё один пленный, смуглый рыцарь в заляпанных грязью помятых доспехах, воспользовался шансом и боком проскользнул сквозь удерживаемую его товарищами щель. Как только он выкатился на влажную траву и вытащил длинный меч, крылатый ужас, визжа, словно ведьма, вылетел ему наперерез.

Вокруг стен костяной клетки десятки бледных рук, покрытых гнойными нарывами, просунулись сквозь прутья, хватая и разрывая одежду всё ещё оставшихся в живых её обитателей. Заключённые отчаянно пинали и колошматили тянущиеся к ним бледные конечности, звуки ломающихся костей перемежались возбуждённым визгом трупоедов, пытавшихся проникнуть внутрь.

Многие мужчины и женщины внутри клетки всё ещё были прикованы к её костяным стенам, но некоторые уже освободились от своих пут и выбирались на поляну перед нею. Высоко над ними огромная каменная карета сошла с кружащихся грозовых небес, удерживаемая в воздухе сине-зелёным сонмом призраков. Реликварий в задней части паланкина содержал нечто настолько злобное, что даже ночной воздух содрогнулся от отвращения.

Мордекол Кадавион вверил свою душу Морру, напрягся и протиснулся сквозь щель в костистых стенах своей темницы.

Тремя днями ранее. Юго-запад Темплхофа. Долина Тьмы.

Мордекол пробудился от беспокойного сна, поморщившись, когда костяную клетку потрянуло на очередной колее разбитой сильванской дороги. Чёрная жреческая мантия натянулась на его исполосованной рубцами спине - наследия беспощадной порки в замке Штерниесте. Словно сочувствуя, зияющая рана на его вскрытом запястье вновь вяло дёрнулась.

Вокруг него, на ложе из трупов лежали ещё девять мужчин и женщин, прикованных к стенкам структуры, расположенной в задней части загадочной повозки и напоминающей своим видом огромную грудную клетку. Впереди было сложное ярмо из костей и сухожилий, которое тянули по дороге шесть трупов, облачённых в лакированные чёрные доспехи. Это были останки рыцарей, противостоявших злодею фон Карштайну за пределами замка Штерниесте, и поднятые из мёртвых, чтобы служить ему в смерти там, где противостояли при жизни. Мордекол как раз смог разглядеть и самого фон Карштайна, едущего через мрак во главе сей странной процессии - бронированный силуэт на скелетном скакуне.

Союзники Мордекола были практически погребены в трясине из бледных конечностей и вскрытых торсов. Их головы безмолвно покачивались в такт громящей по колдобинам тюрьме. У каждого была такая же рваная рана, как и у жреца, красно-чёрная и у многих воспалившаяся от инфекции. Большинство они лежали, прислонившись к костяным прутьям своей тюрьмы. Некоторые, как Мордекол, пытались урвать хотя бы краткие моменты сна, в надежде хоть немного вернуть былую силу.

Однако по-настоящему отдохнуть было практически невозможно. Трупная вонь от тел, скопившихся на дне клетки, была просто невыносима. Жирные мухи жужжали и резвились в гниющих кишках, кровавых провалах глазниц, даже в ранах самих пленников, полученных при попытке вырваться на свободу.

Молодой жрец понимал, что ему предстоит умереть, став сырьём для выполнения любых мерзких целей

Маннфреда, какие только придут тому в голову, а затем его либо выбросят далеко от объятий Морра, либо - что ещё хуже - воскресят, чтобы и в смерти он продолжал служить вампиру. Когда его впервые выдернули с работ по реконструкции Вэнсского храма Морра, эта мысль была в равной мере ужасающей и мучительной. Теперь же Мордекол практически приветствовал ужасающую истину о своём затруднительном положении. Она питала его гнев - гнев, который он мог использовать, как топливо, чтобы остаться в живых, и мужество, чтобы действовать, когда судьба улыбнётся ему.

Мордекол расправил сбившуюся рясу, почёсывая сквозь ткань раны на спине, тщетно пытаясь найти хоть чуть-чуть более удобное положение.

- Прекратите ковырять их, - прошипела круглолицая матрона, прикованная напротив.

Жрица Шаллии оторвала ещё одну полоску ткани от апостольника, и, обернув вокруг локтя, начала сматывать её в бинт, который всё ещё сохранял видимость чистоты. Мордекол последние несколько дней наблюдал за её способностью превращать красно-коричневый цвет ткани в чистейший белый. Она неустанно работала, пытаясь вылечить всех, до кого могла дотянуться. Полностью отказавшись от сна, она молилась богине исцеления и милосердия. Впрочем, безрезультатно. В конце концов, после того, как богиня перестала отвечать, жрица была вынуждена использовать навыки полевой медпомощи, какие только знала.*

Пожилой священник Зигмара лежал без сознания рядом с ней. Хотя и на нём, как и на всех остальных, были кандалы - он не был привязан к стене клетки. Его окровавленный бронзовый панцирь и тяжёлый пояс были сняты и лежали в грязи рядом с ним. Жрица, вне всякого сомнения, была права, первым делом занявшись зигмаритом, ибо его раны были действительно самыми тяжёлыми. Мордекол мог бы поклясться, что видел блестящий, серовато-розовый мозг человека, проглядывающий сквозь ужасающую дыру в черепе. Тёмные от крови, его бинты медленно разматывались на колени жрицы Шаллии.

- Если вы продолжите ковырять эти раны от кнута, - раздражённо пробормотала она, пока возилась со своим пациентом, - то уже очень скоро в них попадёт инфекция.

Мордекол опустил здоровую руку, на его лице появилось угрюмое выражение.

- Какое это имеет значение, сестра?

Она проигнорировала его, заматывая страшную рану своего пациента свежей тканью.

- Мальчишка прав, Элспет, - сказал бородатый мужик у передней стенки повозки. - В скором времени мы все станем пищей для воронья.

Этот могучий человек был жрецом Ульрика - Мордекол узнал символ волка, выжженный у него на лбу. Он сидел спиной к своим сокамерникам и наблюдал за горизонтом, в ожидании избавления, в которое никто из них на самом деле не верил.

- Тогда ответь мне, Ольф Доггерт. Почему мы всё ещё живы? Он уже использовал нашу кровь для того проклятого ритуала в Штерниесте и каким-то образом осушил веру этого места. Так почему же он не убил нас?

- Он хранит нас для чего-то большего, я считаю, - задумчиво ответил Мордекол. - Вместе мы слишком ценны, чтобы он не спускал с нас глаз. Эти фон Карштайны готовы воткнуть друг другу нож в спину, чтобы всего лишь скоротать время.

- Может быть, - со слабой ухмылкой предположил Люпио Блазе, - может быть, богиня Мирмидия оставляет нас в живых, чтобы узнать, скольких мы сможем забрать с собой в могилу, а?

Тилейский рыцарь сделал вялое колющее движение, хотя уже давным-давно потерял свой меч. Он по-прежнему был облачён в золотые доспехи, пусть их пластины и были в грязи, а гордые рельефные символы его богини - заляпаны кровью. Мордекол избегал его взгляда, несокрушимая бравада рыцаря была пуста, как и его голос, словно плохая шутка, которая уже давно набила оскомину.

В почерневших небесах раздался скрипучий визг, и Мордекол поднял голову. Над гротескной каретой развернулись дьяволы Шварцхафена: пара варгейстов с крыльями летучей мыши, массивные телом, но худые и подвижные, словно огры на грани голодной смерти. Мордекол ненавидел их, возможно, больше, чем любую иную породу могильных зверей, а это было сильное заявление на самом деле. Жрецы Морра считали воскрешение самым худшим из возможных грехов, ибо нежить была воплощённым вживе богохульством против бога смерти и вечного покоя, который он предоставлял. Вампиры были худшими из нежити, а варгейсты, возможно, самыми отвратительными из их рода.

Наставники Мордекола учили его, что кровососущие твари были истинным обликом вампира - порождения чистейшего зла без налёта цивилизованности или отброшенной человечности. Два изверга, что крутились у них над головами, были теперь домашними зверушками фон Карштайна, послушными любому его капризу. Они вскрыли запястье Мордекола в ужасной башне замка Штерниесте. Они пустили кровь своему пленнику, как часть еретического ритуала, который изгнал мощь веры из Сильвании.

Скрипучие, щёлкающие вопли варгейстов нервировали Мордекола, а их шипение звучало почти как смех. Тем не менее они, конечно, не самое худшее из того, что видел жрец за прошедшие с момента его пленения недели.

Облака над варгейстами светились красным от глухой, но вездесущей угрозы. Мордекол знал, что таилось там во тьме: паланкин из железных костей, в котором скрывался нечестивый артефакт ужасающей силы. Он содрогнулся при этой мысли, и его спина тут же запылала огнём от неловкого движения. Мордекол был рад, что не может видеть это теперь, даже несмотря на то, что воспоминание о его жутком величии поджидало юношу всякий раз, стоило ему сомкнуть веки. Иногда перед глазами жреца появлялась огромная чёрная рука, окутанная зелёным огнём, и медленно манила его.

Спереди раздалось ворчание, за которым последовал полурык фон Карштайна. Это звучало для Мордекола почти как разговор, пусть и вёдшийся на языке, который он не мог узнать. Жрец бросил злобный взгляд на своего похитителя. Вампир был облачён в древнюю броню, вдоль поверхности которой шли острые лезвия, бледная кожа его головы под большой короной, переливавшейся призрачным светом, светилась серо-жёлтым в темноте.

Мордекол отвернулся, опустив глаза. Он не осмеливался долго смотреть на вампира. В последний раз изверг почувствовал это и повернулся, встретившись взглядом с Мордеколом. Жрец содрогнулся от воспоминаний о зле, которое он увидел в глазах фон Карштайна.

- Что он там лопочет? - спросил Ольф Доггерт.

- Мерзкие вещи, - грубо ответил Блазе.

- По-моему, он разговаривает с короной, - заметил Мордекол.

- С короной? - недоверчиво переспросила Элспет.

- Да. Не что иное, как Корона Волшебства, если, конечно, мой орден прав, - продолжил молодой жрец. - В подземном хранилище моего храма есть гравюры. Это древний артефакт, и он должен был храниться под магической защитой под храмом Зигмара.

- Должен, - сказал Блазе, - но вампир украл её. Мы пришли вместе с Верховным Теогонистом Фолькмаром, чтобы вернуть её.

- Корона Волшебства... - пробормотал, нахмурившись, Ольф. - Это не её ли носил тот орк, ну, которого они называли Мясником?

- Она самая, - ответил Мордекол. - Легенды гласят, что внутри неё хранится часть силы Великого Некроманта. Что он говорит с теми, кто носит её, направляя их из мира духов.

Тишина затянулась на несколько долгих минут, пленники потерялись в своих мрачных мыслях.

До них вновь донёсся голос фон Карштайна, пробормотавший фразу, прозвучавшую для Мордекола, скорее, псалмом моррита, чем частью разговора. Внезапно слой из мёртвых конечностей и тел под ним содрогнулся, сломанные пальцы сжались, кишки заизвивались, словно змеи. Было такое ощущение будто под ногами закопошились черви.

На другой стороне клетки тощий, слово пугало, друид, в котором Мордекол признал служителя бога природы, отполз к костяным прутьям. Его кандалы гремели вокруг сбитых до мяса запястий и лодыжек, но он с завидной ловкостью выбрался из поддёргивающихся конечностей нежити под собой.

Большинство других пленников вздрогнули, но не последовали его примеру, хотя их лица и скривились от отвращения. Мордекол в отчаянии покачал головой и отбросил оторванную руку через всю повозку. Поддёргивающая пальцами конечность стукнулась о прутья и упала на колени дева, со скрещенными ногами сидевшей напротив жреца Морра.

Горло Мордекола сжалось от острой неловкости, но ужасный подарок не смог вывести её из транса. Эльфийская дева была настолько красива, что Мордекол едва мог смотреть на неё. Золотистые вьющиеся локоны обрамляли её узкое лицо, бледное и изящное. Её идеальные губы шевелились в безмолвном песнопении. Она не открывала глаза с тех пор, как была скована вместе с остальными в замке Штерниесте.

Мордекол был благодарен за это, в некотором смысле. Он должен держаться за свои гнев и ненависть и не позволять смягчить их чувствами восхищения и благоговения. Это было единственным, что заставляло его жить. Вместо этого он сосредоточился на ране на запястье эльфийки, на заляпанной кровью тиаре, что стягивала её волосы, и оторванной конечности у неё на коленях. Она напоминала редкую и прекрасную розу, втопанную в грязь.

- Ради зимы, отведи взгляд, парень, - вздохнул Ольф Доггерт, оглянувшись через плечо. - Она из первых Ультуана и выглядит, как драгоценный камень, и, кроме того, она ещё и королевского рода. Ты не сможешь залезть ей под юбку даже за тысячу лет. А если ты, Шиндт, хотя бы попробуешь прикоснуться к ней, - проворчал жрец Ульрика, - я разобью эти кандалы лишь затем, чтобы обернуть их вокруг твоей головы.

- Я не трону даже волоска на её нежной маленькой головке, - едко ответил стройный священнослужитель, сидевший напротив Мордекола. Шиндт провёл первые несколько дней, делая вид, что спит, опустив голову и сложив руки на коленях, но на третий день он, наконец, представился, нехотя раскрыв свою верность Ранальду, богу плутов и мошенников. Мордекол возненавидел его сразу же,

стоило Шиндту лишь открыть рот. Этот человек был из тех, кто украл бы пенни Морра с глаз покойника.

Шиндт искоса посмотрел на Мордекола сквозь занавесь из длинных чёрных волос. - Старый волк прав, мой маленький пропольщик могил. Сколь бы, по её мнению, важной дьявольщиной она не занималась, мне кажется, что ей бы не понравилось, чтобы её отвлекал кто-то, подобный нам.

Мордекол прищурился, но ничего не сказал.

- Она ищет помощь, - сказала высокая бретоннка, стоящая в кандалах в задней части костяной тюрьмы. Её голос был изысканный, даже высокомерный. Хотя она была, несомненно, весьма красива, но в глазах Мордекола не шла ни в какое сравнение с эльфийской принцессой. - Я узнаю интонации пения, - продолжила бретоннка. - Она призывает зверей из чащи.

- Хотел бы увидеть это, - сказал друид с горевшими безумным огнём глазами. Каждый человек в клетке поднял голову, с изумлением уставившись на наконец-то заговорившего друида. Мордекола объяла тревога при виде того, как тот повис на прутьях примерно в половине расстояния до потолка, его длинные пальцы рук и ног обвили кривые кости прутьев подобно когтям. «Больше зверь, чем человек», - подумал Мордекол. Как будто в Старом Свете было мало подобных тварей.

Смущённый внезапным всеобщим вниманием, человек со спутанными в невообразимый колтун волосами зашипел, как кошка, и спрыгнул на ложе из трупов, приземлившись на четвереньки.

- Что ж, он всё-таки умеет говорить, - хмыкнул Ольф, приподняв густые седые брови, после чего снова уставился на горизонт.

Костяная тюрьма грохотала по усыпанной щебнем дороге. Воскрешённые рыцари, привязанные к ярму, стонали и гремели в своих потрёпанных доспехах, пока тащили клетку вперёд по острым камням сильванской дороги.

На востоке, на самом горизонте, Мордекол заметил скалу Темплхоф, вырисовывавшуюся на фоне болезненного свечения Моррслиб. Высоко над порченой луной находился её близнец, здоровая Маннслиб, - не более чем расплывчатое пятно в мрачном небе. Последние несколько недель свет луны был единственным фонарём, разгонявшим пелену ночи, что столь тщательно укутала Сильванию. Для того, кто был обучен узнавать приметы - это был очень плохой знак.

- Таким образом, мы едем на север, а затем, если это Темплхоф, - сказал Ольф, - Моя взяла!

Шиндт хрустнул маленьким осколком кости, которым исследовал замок своих оков, и от расстройства выплюнул ругательство. Элспет покачала головой и сделала знак Шаллии, когда Шиндт пнул две головы из тех, которые он с Ольфом использовали как валюту в своих нездоровых играх.

Ольф постучал пальцем по символу Ульрика, выжженному на лбу, и улыбнулся, обнажив крупные коричневые зубы.

- Нос волка никогда не обманывает.

- Да, отлично, - съязвил Шиндт. - Значит, мы направляемся к Голодному лесу. Я очень рад за всех нас.

- Голодный лес? - спросил Мордекол, напрягшись. Он втянул воздух сквозь зубы, когда рубцы на спине снова открылись. - Ты уверен в этом?

- Да, - ответил Ольф, - так же, как уверен в обжигающем укусе зимы.

- Это означает - трупоеды, - проворчал друид, висевший на верхних рёбрах-прутьях клетки.

- Да, - уныло ответил Шиндт.

- Это хуже, чем просто трупоеды, - сказал Мордекол.

- Что-то хуже, чем быть сожранным заживо, да? - съязвил Шиндт, потирая подбородок. - Хм. Ольф, похоже, у нас есть новая игра. Пожалуй, я начну. Как насчёт быть размолотым в колбасу и поданным на бретоннский банкет?

Высокая дворянка, привязанная к потолку тюрьмы, бросила на него такой взгляд, что с лица священника-плута мигом сошла самодовольная ухмылка.

- Да, вы просто не понимаете! - сплюнул Мордекол. Что-то в его тоне привлекло внимание всех заключённых, за исключением эльфийской девы, чьи глаза по-прежнему оставались закрытыми.

- Продолжай, парень, - сказал Ольф, - Что могло так испугать жреца смерти?

- Голодный лес, - угрюмо ответил Мордекол. - Он... меняет людей.

- Ой ли, - хитро сказал Шиндт. - Он что-то скрывает. Что-то, связанное с жизнью нашего молодого друга или с его орденом, держу пари. Я прав?

Мордекол молчал.

- Давай, парень, - подтолкнул его Ольф, - Чем больше мы знаем, чем больше объединяемся, тем больше у нас шансов выбраться из этой передрыги живыми. То, куда мы движемся - это какое-то определённое место? Или, возможно, нечто значимое?

- Мы так и так погрём в один день, ну, может в два, - заметил Шиндт. - Так что можешь и рассказать нам.

Молодой жрец вздохнул, глядя на редкие проблески в небе.

- Это место, - ответил он. - Разрушенная башня, если быть точным. Место, где мой орден спрятал нечто ценное от фон Карштайна.

- Так почему он отправляется туда только сейчас? - спросил Ольф. - Что задержало вампира от того, чтобы заполнить это?

- Ритуал, своего рода. Мой орден умеет скрывать усопших от тех, кто собирается поднимать мёртвых, не так ли? Все знают, что надо держать пару пенни для Морра.

- Да, - заговорила Элспет, делая знак Шаллии. - Когда более нет ничего, что можно сделать, посвети их богу загробной жизни. Так они не смогут подняться вновь.

- Да. Что ж, мы тоже иногда кое-что прячем.

- И? - прошептал Шиндт.

Мордекол нервно посмотрел сквозь прутья тюрьмы на их закованного в латы похитителя, но тот всё ещё что-то бормотал, сосредоточив всё своё внимание на дороге впереди.

- В Голодном лесу есть место, - прошептал молодой жрец, - где, как говорят, Галакрис, старый член нашего ордена, заключил договор с Морром. Договор хранить нечто, что он обнаружил, нечто древнее и злобное.

- Вроде твари в той ужасной летающей карете? - спросил Ольф.

- Вроде того, - ответил Мордекол. - Гримуар, найденный им в недрах Мордхейма.

- Морт-гейм, - вырвалось у жреца природы, его рык был словно у загнанного в угол лиса. - Он проклят.

Шиндт бросил на него взгляд, сделав рубящий жест по шее, после чего знаком показал, чтобы Мордекол продолжил рассказ.

- Ну, этот фолиант, который он нашёл, - продолжил молодой моррит. - Он знал, что он очень ценен для агентов нежити, которые тоже охотились в руинах. Их не волновали ни преобразующий камень, ни золото. Только этот гримуар. Поэтому Галакрис спрятал его подальше от глаз, как живых, так и мёртвых, глубоко в недрах Голодного леса. Он по-прежнему там, охраняет свою находку. Ну, или, по крайней мере, так говорят высшие жрецы.

- Семь преисподних, парень, - ругнулся Ольф. - Хватит загадок. Что вампир хочет сделать с той штукой? И зачем столько ждать, чтобы, наконец, заполучить его?

- Ну, мы знаем, что наши боги не... Я имею в виду, что наши молитвы не были вознаграждены. Никто из нас не хочет признавать этого, но это так. Посмотрите на нас. Послушник Ранальда - прикованный к своему невезению. Священник Морра - в ловушке с нежитью. Жрец Таала - в клетке, словно пойманное животное. Шаллианка - которая не в силах вылечить раненых. Мне нужно продолжать, чтобы до вас дошло?

- Э-э... Может, чуть-чуть, - слегка смущённо сказал Ольф.

- Силы верующих больше ни имеют никакого смысла в Сильвании, вообще! - прошипел Мордекол, его наручники зазвенели, когда он всплеснул руками в отчаянии. - Начиная с ритуала в Штерниесте. Это означает, что заклинание сокрытия, созданное Галакрисом, тоже больше не действует!

- И, следовательно, наш «хозяин» узнал об этом бесценном... гримуаре, - осторожно проговорила Элспет.

- Да.

- И вот куда мы едем сейчас, - сказал Ольф. - Забрать его.

- Да!

- И если он сейчас слушает нас, - проговорил Шиндт, - и раньше не знал о грязном секрете вашего ордена, то вы только что, ничтоже сумняшеся, рассказали ему об этом.

Высокая бретоннка коротко хохотнула - нотка отчаянного безумия во тьме.

Внезапный крик пришёл с юга, такой чистый и высокий, что мгновенно привлек их внимание. Мордекол развернулся и увидел, как огромный орёл, невысоко паря над землёй, летит в их сторону. Размах его крыльев был практически равен ширине извилистой дороги.

Стремительно рухнув из облаков, сложив крылья для смертельного нырка, ему навстречу метнулся один

из варгейстов Темплхофа, возмущённо визжа. Огромный орёл тяжело развернулся, атаковав своего преследователя когтями размером с серп. Он содрал лицо крылатого дьявола, оставив лишь ободранный вопящий череп.

Однако стоило орлу опуститься пониже, как в тот же миг второй варгейст прорвал завесу облаков, вонзив когти в плечи зверя и тяжело потянув на себя. Над ним что-то корчило в облаках, выглядя для Мордекола, как скопище эктоплазматических фигур. Небо запульсировало красным, когда Машина Смерти медленно опустилась вниз. Оборванный друид вскрикнул, вознеся к Таалу молитву о спасении. Мордеколу пришлось напрячь все оставшиеся силы, чтобы тоже не закричать, его свербевающие глаза закрылись, чтобы вычеркнуть нечестивый ореол вещи. Чёрный коготь поманил его за закрытыми веками, насмехаясь над ним, вытаскивая его ужасные подозрения и делая их реальными. Он покачал головой, и, словно в пику твари, вновь открыл глаза.

Между тем битва в небесах между орлом и варгейстом становилась всё более и более неистовой. Орёл клевал и кромсал когтями, делал виражи и парил, но это не могло ему помочь сразу с двумя варгейстами. Куда бы ни попал его удар - сероватая плоть тут же восстанавливалась, обласканная желчными энергиями нечестивого паланкина. Кровь ручьями лилась на пленников, каждый из которых молча молился о победе величественной птицы, пока продолжалась воздушная битва.

Как будто по приказу единого разума, оба крылатых дьявола одновременно спикировали вниз и, крепко схватив орла, удержали его в воздухе. Парящий реликварий подплыл поближе, пульсирующее красноватое свечение сырой силы размывало пространство над ним.

Орёл, казалось, постарел, сжимаясь сам в себя, плоть и перо гнили и отваливались прочь, пока он становился всё тоньше и тоньше. Могучая птица вскрикнула, то ли каркнув, то ли кашлянув, а затем умолкла. Варгейсты выпустили из лап свою жертву. Мгновение она летела вниз, странно бесплотная и чуждая, прежде чем раствориться в разлетевшейся пылью иссохшей кости.

Одно длинное бело-золотое перо вилось вниз по воздуху, пройдя прямо сквозь верхние прутья костяной тюрьмы и воткнувшись в грудь бестелесных конечностей вне досягаемости пленников.

Мордекол почувствовал, как слёзы защипали глаза, когда эльфийская принцесса издала долгий скорбный крик, полный чистой печали.

Голодный лес, долина Тьмы

- Ранальд возьми этот чёртов... Чуть-чуть... Элспет, подтолкни здесь... Да.

Напротив Мордекола Шиндт победно присвистнул сквозь зубы. С помощью целительницы Элспет Фаррер, священнику-плуту удалось, наконец, вытащить его закованную в кандалы ногу из крепко зашнурованного высокого ботинка. Желудок Мордекола громко заурчал, он был так голоден, что посматривал на свой собственный кандалный ботинок и подумывал о том, чтобы попробовать сжевать его кожу в поисках хоть какого-нибудь скудного пропитания, которое тот мог ему дать. Это была жестокая ирония, что их путь лежал сквозь Голодный лес, учитывая слухи о проходивших в нём запретных пиршествах. Даже деревья выглядели, как старая плоть, обёрнутая морщинистой кожей, ветви - как высушенные и удлинённые пальцы. Так много мяса находится прямо здесь, в подстилке из трупов под ними: гнилого и протухшего, но явно же лучше, чем ничего. И всё это сводит с ума того, у кого достаточно мужества этим воспользоваться...

Молодой жрец вздрогнул и, чтобы отвлечься, обратил внимание на то, чем были заняты его сокамерники. Полностью вынув ногу, Шиндт шевелил пальцами, высовывающимися из дырявого чулка. После того как два крупнейших полностью высунулись из дыры, он осторожно протянул ногу в сторону пера. Он поморщился и вытянулся, но всё же ему не хватало каких-то пары дюймов. Мордекол молча сверлил его взглядом из-под капюшона, втихаря надеясь, что слуга бога мошенников что-нибудь вывихнет в своих лихорадочных попытках достать его трофей. Шиндт потянулся снова, его лицо скривилось от усилий.

Люпио Блазе надул щёки и дунул на перо, усы затрепетали по обе стороны от его рта. Сперва ничего не произошло. Затем Элспет спохватилась и присоединилась к нему, они оба надували щёки и пыхтели как обсчитанные полурослики.

В конце концов, им удалось совместными усилиями придвинуть к Шиндту перо ещё на пару дюймов. Мошенник ухватил его пальцами и резко, словно ужаленный, отдернул ногу, а затем подогнул и убрал перо с глаз. Варгейст с красным черепом вместо лица пронёсся над головой, но всё же недостаточно близко, чтобы что-то заметить.

- Ты не сможешь вызвать ещё орлов с его помощью, - прошептал друид.

- Заткнись и смотри, деревенщина, - огрызнулся Шиндт.

- Я не деревенщина, - ответил друид. - Я - Деревенский.

Шиндт проигнорировал его, зажав перо подмышкой так, чтобы его полый кончик был на уровне рта. Он с выражением крайней сосредоточенности начал кусать перо: отгрыз немного здесь, откусил слегка там, всё это время казалось, что его голова просто покачивается в такт движению костяной тюрмы.

- И... - одними губами произнёс Шиндт, закончив работу, - вашу мать любил Ранальд.

Плутоватый мошенник показал помятый кончик пера на своей ладони, на секунду напомнив Мордеколу уличного мошенника из Альтдорфа, показывающего штирландскому фермеру выбранную тем карту.

- Отлично, - пробормотал он. - Теперь мы можем написать Карлу Францу несколько писем в весьма крепких выражениях.

- Нет, жрец смерти, - тихо проговорил Люпио Блазе, покачав головой и предостерегающе подняв палец. - Подожди.

Как только они въехали под деревья достаточно густые, чтобы скрыть лунный свет, Мордекол услышал слабый металлический щелчок, а затем ещё один. Когда лунный свет вновь осветил их, то Шиндт сидел в, казалось бы, той же позе, но теперь с лёгкой самодовольной ухмылкой на лице.

- Теперь у нас есть шанс, - пробормотала Элспет. - Если мы сможем избавиться от кандалов... С милостью Шаллии у нас будет шанс.

- Без оружия мы ничего не сделаем, - грубовато фыркнул Ольф. - Они - вампиры, женщина. У нас нечем справиться с ними. И ещё эта...тварь в облаках... То, что внутри неё, даже хуже, чем фон Карштайн.

- Просто произнеси это, ты - толстый трус, - едко проговорил Шиндт. - Ты слышал, как вампир говорил это, так же, как и любой из нас. Это - рука Нагаша.

Лес умолк. Стихли даже шелест листьев и жужжание насекомых.

Зигмарит, лежавший на коленях у Элспет, неожиданно разволновался, не приходя в себя, и начал кричать. Его голос звучал так, словно пришёл откуда-то издалека.

- Рука... - невнятно выкрикнул он. - Это начинается... Это свяжет... пески... тройняшки... луна... кровь и огонь... мёртвые боги...

- Тише, тише, - прошептала сестра Элсбет, бросив суровый взгляд в сторону Шиндта, когда положила руку на лоб старика. - Постарайся не шевелиться. Оставайся в покое.

Кудахтающий крик разнёсся по лесу, и Мордекол почувствовал испарину на лбу. Этот крик не мог выйти из человеческого горла.

Его желудок снова заурчал. На этот раз он в отчаянии ударил его, но гложащее ощущение никуда не делось.

Пока костяная тюрьма грохотала и тряслась по лесной дороге, Мордекол со сдержанным восхищением наблюдал за работой Шиндта. Первым в притворном сне он преклонил голову рядом с Ольфом, следующим стал Деревенский, необычный металлический звон упавших оков потерялся за лязгом колёс фургона. Лицо Деревенского загорелось, когда он понял, что стараниями умелых рук Шиндта кандалы были сброшены с него, и потребовались четыре пары безмолвно кричащих глаз, чтобы убедить его не вскочить и не попытаться тут же сбежать. Шиндт прошептал что-то на ухо друиду и медленная, простодушная улыбка появилась на избитом лице Деревенского.

Шиндт не остановился на этом. Вставив перо между пальцев ноги, он вытянул её на всю длину и вставил свой импровизированный ключ в замок оков вокруг лодыжек Блазе. Высунув язык, он шевелил пальцами вперёд-назад. Мордекол неожиданно ощутил, что на этот раз желает вору-ранальдиту успеха.

И он не был разочарован. Хотя к концу Шиндт весь вспотел и крепко стиснул зубы, но его усилия были вознаграждены мягким щелчком.

- Это ничем нам не поможет, вы знаете, - заявила висевшая в углу бретоннская леди. - Мы все уже мертвы.

- Ерунда. Мы увидим, как вы выбираетесь отсюда, живая и здоровая, - заявил Ольф.

- О нет, не увидите, - тихо рассмеялась она, её голос был подобен ножам, разрезающим шёлк.

Мордекол вопреки всему надеялся на рассвет, хотя бы на один единственный лучик света, который мог бы даровать им надежду.

В глубине своего сердца он знал - рассвет никогда не наступит.

С каждым часом лес вокруг дороги становился всё гуще. Единственное, что освещало тюрьму - случайный луч Моррслиб да мягкое лучистое свечение, окружавшее эльфийскую принцессу. За исключением случайных стонов и изредка начинавшего бормотать старика-зигмарита, лежавшего на коленях Элспет, остальная компания не издавала ни звука. Некоторые из них были бледны от потери крови, и запах, который чувствовал Мордекол, говорил о том, что раны уже начали гноиться.

Колесо тюрьмы ударилось о выступавший крупный корень, и весь фургон содрогнулся. Оторванная нога вылетела из задней части покрыва из трупов и, перекатившись, остановилась на самом краю видимости

Мордекола. Молодой священник резко выпрямился, когда одна из теней, что следовали за ними уже несколько миль, вприпрыжку выметнулась из тьмы и схватила подарок. Бледный падальщик состоял из слишком малого количества мяса и слишком большого - кожи, прежде чем вновь скрыться во тьме со своим трофеем он бросил косой взгляд на молодого моррита. Его лик был опустившийся и безумный, но было что-то, несомненно, человеческое за его глупой, запятнанной кровью ухмылкой.

- Трупоеды... - прошипел Мордекол.

Орден молодого жреца питал особую ненависть к трупоедам. Канныбалы, питающиеся плотью мёртвых, эти твари совершали постоянные набеги на склепы и кладбища, которые не были освящены во имя бога смерти. В своё время молодой жрец своими глазами видел этих созданий, даже прикончил нескольких, защищая святые места. Тем не менее, эти были даже более изголодавшими и отвратительными, чем обычно. Неестественная темнота, лишившая Сильванию жизни и заставившая её людей сбежать из провинции или умереть, лишила и этих приспешников графов-вампиров средств к существованию.

Тут и там их тюрьма катилась мимо кусков тряпья и ржавых доспехов, обглоданных до никчёмного мусора - последние ошметки наёмников и авантюристов, чья судьба привела их на эту дорогу. Легенды рассказывают, что иногда, заблудившиеся и изголодавшие, они обретали новую жизнь, становясь каннибалами.

Пока Мордекол смотрел, как они приближаются к большому узлу, валявшемуся посреди дороги, рука Шиндта выстрелила из костяной тюрьмы. Быстрый, как змея, он ухватил меч и выдернул его из ножен, костяные прутья вздрогнули, словно шокированные внезапным движением. Шиндт одним плавным движением бросил меч Люпио Блазе и скрестил руки над своим рыхлым насестом. Тилеец с похвальной ловкостью поймал меч и погрузил его в ближайший труп, так что только рукоять торчала в тени колена рыцаря.

Привлечённый резким движением, варгейст, попавший под когти орла эльфийской принцессы, пролетел над лесной дорогой и уселся на крышу костяной тюрьмы. Огромная тварь шарила вокруг, пока, наконец, взгляд его глаз-бусинок на маске красной кости не упёрся в них. Капли кровавой слюны падали между ними, но ни один из пленников не оказался настолько глуп, чтобы встретиться взглядом с тварью. В конце концов, чудовище метнулось прочь, щёлкающим визгом обратившись к крылатому дьяволу, который висел вниз головой на балдахине впереди.

- Отличная хватка, - сказал Мордекол, слегка дрожащим голосом.

- Счастливые пальцы, - ответил Шиндт.

Руины Мудреца, Голодный лес.

Постепенно дорога, прорезающая лес, словно рана, стала шире, пока не упёрлась в прогалину, окружённую линией дубов. Под тускло-зелёным светом Моррслиб деревья отбрасывали искривлённые тени, их растрескавшиеся ветви вяло цеплялись за воздух. Мордекол вытянул шею, чтобы выглянуть за могучую тушу Ольфа, расположившегося в передней части клетки, и на вершине небольшого холма невдалеке увидел руины.

- Клинок Морра, - пробормотал он. - Мы здесь.

Ехавший во главе процессии Маннфред фон Карштайн ликующе закричал, снимая Корону Волшебства и

вешая её на луку седла. Его конь-скелет пустился вскачь, стук его копыт был неестественно громким в приторной тишине леса.

Башня впереди представляла собой многоярусное нагромождение ветхих стен и разрушенных минаретов. Её замшелые стены были покрыты прожилками ползучих, пульсирующих чёрных усиков, которые не имели ничего общего с нормальной растительностью. Каменные скелеты, облачённые в мантии священников, держащие розы и стилизованные косы в каждой руке, несли бдение вокруг её стен. Когда закованные в латы зомби подтащили клетку поближе, Мордекол увидел иссушенные останки трупа, свисающего с верхних этажей разрушенной башни. Толстая петля из разорванного на полосы бархата туго обвивала его шею.

С грохотом подкатив к стенам, вампир спрыгнул с коня и исчез с глаз, скрывшись в глубине разрушенной башни. Когда фон Карштайн начал спускаться вниз по лестнице, облако летучих мышей, свивших себе гнездо в висевшем трупе, взметнулось в небеса, открыв покойника и то, что он всё ещё был облачён в грязные чёрные одеяния священника. Лицо трупа представляло собой бесплотную костяную маску, однако в глазницы были глубоко вдавлены пенни - жертва в надежде на должную загробную жизнь.

- Галакрисст, - простонал Мордекол. - Значит, это правда - фолиант действительно был погребён здесь.

- Один из них, - лукаво проговорила бретоннка. - По моим подсчётам ему нужно еще, по крайней мере, три.

- И откуда же ты столь много знаешь об этом, моя госпожа? - глядя из-под нахмуренных бровей, спросил Ольф.

- Ты перепутал леди с её посланником, - ответила бретоннка, чьи глаза блестели из-под капюшона, выражая насмешливое презрение. - И даже так, это не твоего ума дело.

- Шиндт, смотри, - сказал Блазе. - Шлем.

Среди обломков на краю поляны лежал скелет, и, конечно же, рядом с ним лежал мятый бронзовый шлем. Как только тюремный фургон подъехал поближе, Мордеколу стало ясно, что через некоторое время шлем должен был оказаться неподалёку от слуги Ранальда.

Шиндт прильнул к костяным прутьям клетки, оказавшись рядом со скелетом. Как только шлем оказался на расстоянии вытянутой руки, Шиндт вытянул свою бледную конечность и схватил его.

Зазубренные костяные прутья со щелчком сомкнулись, и из обрубка руки ловкача мощной струёй хлынула кровь.

Тюрьма превратилась в бедлам. Шиндт оглушительно завизжал, сжимая обрубок, кровь из которого заливала колени Ольфа. Гигантский ульриконец вскочил, скидывая кандалы, и рванулся вперёд, чтобы впихнуть плечо в образовавшийся в прутьях проём. Деревенский уже был на ногах и встал между прутьями, упёршись плечами и босыми ногами по обе стороны от разрыва и раздвигая прутья так широко, как только мог. Блазе вытащил меч из их трупных ножен и, бормоча молитвы Мирмидии, пытался скинуть свои кандалы.

Их тюремщики-варгейсты взвизгнули и повернули кругом свои странно угловатые головы. Со щелчком расправив крылья, звери взлетели, как только стая трупоедов вприпрыжку вынеслась из леса позади них. Красноватый свет осветил всю поляну, когда низкие грозовые облака сгустились в вихрь, в центре

которого была рака с рукой Нагаша. Призрачные хранители Машины Смерти, испустив расщепляющий души визг, начали опускать свой паланкин вниз к заключённым. Мордекол ощутил, как его кожа натянулась и зашевелились волосы на голове, когда гнусная реликвия приблизилась.

- Выбирайтесь! - закричал Ольф, его широкое лицо покраснело от усилий, пока он пытался удержать прутья клетки. Над ним с ног друида, раздираемых зазубренными краями прутьев, закапала кровь. Из глотки Деревенского вырвался стон, но он продолжал бороться с нечестивой силой клетки-тюрьмы. Мордекол рванулся вперёд, но он ослаб от голода, а кандалы по-прежнему удерживали его. Варгейсты уже почти опустили на них, да и жители Голодного леса были уже в паре шагов, вприпрыжку несясь к ним, разинув пасти и вытянув лапы.

- Зигмар Унбероген! - выкрикнул старый зигмарит, лежавший среди трупов, затем поднялся сбоку от Элспет и, схватив свой отброшенный панцирь, тяжело опустил его на повреждённые кандалы Блазе. Удар - и звенья цепи, сковывающей тилейца, разлетелись по сторонам. Сердце Мордекола наполнилось надеждой, когда он понял, что воин-священник был Фолькмаром Мрачным, Верховным Теогонистом и главой культа Зигмара. Но вместо того, чтобы изгонять немертвых, скопившихся вокруг, священник обнажил зубы в первобытном рыке и начал крушить зазубренным краем панциря головы одного алчного пожирателя плоти за другим.

Сверху раздался визг, и безликий варгейст нанёс Блазе удар когтистой рукой. Его лапа схватила воздух, ибо тилеец пригнул голову и нырнул вперёд в отверстие в прутьях костяной клетки. Рыцарь удачно приземлился, быстро превратив неловкое падение в кувырок, и мгновенно вскочив, насадил прыгнувшего трупоеда прямо на острие своего украденного меча. Широким взмахом руки он сбросил труп создания с клинка прямо в пикирующего на него варгейста. Удар сбил монстра с небес в шквал кожистой плоти.

- Шиндт! Помоги мне! - закричал Мордекол, махнув кандалами ранальдиту. Цепкие руки просунулись сквозь прутья клетки и, ухватив мантию моррита, попытались подтащить его поближе. Молодой священник вкусил горечь истинного ужаса, представив острые зубы, впивающиеся в его икры. Фолькмар был слишком далеко, круша и крича на другой стороне клетки, словно одержимый.

Внезапно Элспет оказалась рядом с ним и, туго обернув свои собственные цепи вокруг горла мерзкого каннибала, начала душить проклятую тварь. Полулёжа, полустоя на коленях, почтенная жрица упёрлась ногой в голову создания, а затем, опустив весь вес своего тела на спину твари, с резким треском сломала ей позвоночник.

Шиндт полз к Мордеколу, тонкий визг срывался с его губ, когда обрубок его руки ударялся или скрёб по трупам. Из глаз ловкача хлынули слёзы, пока он ковырял огрызком пера в кандалах жреца смерти, удерживающих его левую руку. Не отдёргивая руки, пока это было возможно, Мордекол отбрасывал прочь рыскающие лапы трупоедов, которые угрожали сорвать работу Шиндта.

Рядом последние силы напрягал Фолькмар, пытавшийся отбить атаки безликого варгейста, используя разбитый панцирь как щит. Однако всё ещё не совсем пришедший в себя старик был слишком медленным. Дьявольская летучая мышь ударила ему в грудь с такой силой, что Фолькмар отлетел к противоположной стене и тяжело врезался в решётку рядом с Ольфом.

Даже будучи не в себе, старый жрец всё ещё обладал достаточным количеством здравого смысла, чтобы кувыркнуться налево и вывалиться из клетки через брешь, удерживаемую его товарищами, на примятую траву. Крылатый монстр просунул свою острую пасть сквозь прутья решётки и попытался цапнуть за

талию Элспет, пока та отползала прочь.

Шиндт вскрикнул от облегчения, когда кандалы Мордекола, шелкнув, открылись. Молодой жрец схватил тяжёлые цепи, когда те спали с него, и, махнув ими в сторону, врезал в искалеченную морду ближайшего варгейста. Зверь взвизгнул и отлетел прочь, силуэт с крыльями летучей мыши чётко вырисовывался в красном свечении нисходящей раки.

Мордекол бросил мимолётный взгляд на смертельный паланкин, зависший над верхушками деревьев. На его глазах лежавший перед ним Шиндт застонал и съёжился. Невероятно, но кровь, толчками лившаяся из культы, начала подниматься вверх к конструкции из железных костей, как и десятки других кровавых ручейков. Багровые тонкие струйки со всей поляны потянулись к нечестивому устройству, пока оно неспешно опускалось вниз на своём призрачном эскорте.

Отвлёкшись на Машину Смерти, Мордекол оказался не в силах помешать мускулисту трупоеду, схватившему Шиндта и потащившего того по трупной постели к решёткам костяной клетки. Ещё три злобных падальщика вцепились в Шиндта, когда тот оказался рядом с ними. Долговязый ранальдит закричал в муке, когда бледные злобные твари вонзили зубы ему в спину и прогрызли путь к его позвоночнику в потоках хлещущей крови.

В ужасе от творившегося, Мордекол в спешке схватил перо-отмычку ранальдита и сунул в замочную скважину кандалов, сковывающих его ноги. Он должен был освободиться, чтобы спасти принцессу от участи Шиндта. Он чувствовал, как перо скользит и изгибается, но оно оказалось достаточно упругим, чтобы не сломаться.

Снаружи Блазе сражался со вторым варгейстом. Тилеец прошмыгнул под его неуклюжими лапами и попытался достать до горла кончиком меча, однако тварь оказалась ловчей, чем выглядела, и отбила длинный меч рыцаря размашистым ударом. А затем варгейст укусил тилейца за плечо, ломая свои зубы об витиевато украшенную броню слуги Мирмидии.

Мордекол заставил себя сосредоточиться на кандалах, пока его ступни скользили и хлюпали в трупной жиже под ногами. Рядом Элспет делала всё возможное, чтобы удерживать царапающихся трупоедов подальше от эльфийской принцессы. Она обрушивала череп, позаимствованный у одного из трупов, покрывавших пол клетки, на руки и головы нападавших, но тех просто было слишком много.

Один из трупоедов ухватился за балахон эльфийки и потянул на себя, но в следующее мгновение был разорван на части вспышкой ослепительно-чистого света, на секунду ослепившего Мордекола. Какое-то эльфийское колдовство, наверное. Впрочем, в данный момент это не то, чтобы было так уж важно. Шанс есть шанс.

Получив секундную передышку, Мордекол ощутил, как замок его оков щёлкнул, и ощутил, что ноги свободны. Он триумфально вскрикнул, но его голос потерялся за визгом бегущих пожирателей плоти.

Моррит слепо рванулся через клетку и, воткнувшись в Ольфа, вместе с ним вылетел из тюрьмы и упал на траву. Он чувствовал запах пота жреца Ульрика и несвежий запах изо рта. Над ними отчаянно закричал Деревенский, когда прутья костяной клетки сомкнулись, возвращаясь на свои места, и был вынужден отпрыгнуть прочь, размахивая окровавленными конечностями, чтобы избежать участи Шиндта.

Когда Мордекол расцепился с Ольфом и встал на ноги, его зрение прояснилось. Трупоеды бежали, напуганные ослепительной вспышкой. Фолькмар, шатаясь, подобрался к варгейсту, с которым сражался Блазе. Схватив цепи обеими руками, он использовал их как хлыст, раз за разом ударяя крылатую

мерзость по спине с рыком гневного отчаяния.

Зверь развернулся и нанёс жестокий удар, его бритвенно-острые когти вонзились в живот зигмарита, а затем тварь рванула их вверх. Старик был отброшен прочь, рассечённый от пупка до грудины. Задыхаясь, Мордекол рванул к нему и, оторвав рукав от своей мантии, попытался кое-как перевязать рану. Бретоннка, по-прежнему висевшая в клетке, выкрикнула какую-то странную фразу, и рана Теогониста затянулась в мерцании багрового света.

- Спасибо! - выпалил Мордекол.

Закованная аристократка изобразила реверанс, однако её улыбка была странно насмешливой.

Тем временем Ольф прыгнул на порезанного мечом Блазе крылатого дьявола. Ульриканец сцепил борцовский захват на шее молотящей конечностями твари.

Мордекол увидел свой шанс. Схватив зазубренный осколок кости, валявшийся под ногами, он рванул к варгейсту и воткнул своё импровизированное оружие глубоко в сердце чудовища. Оно издало тонкий визг боли и неверия, хлопнуло крыльями и рвануло прочь, отбросив Ольфа на землю. Затем тварь пошатнулась, вскрикнула почти с человеческим отчаянием и рухнула.

Деревенский с искажённым лицом схватил упавшую ветку и побежал к безликому варгейсту, который вслепую метался вокруг клетки. Однако в тот миг, когда друид уже собирался воткнуть палку в спину зверя, бледная рука вырвалась из клетки и схватила его с сухим щелчком.

Гулкий смех разнёсся над поляной, звук, который сказал Мордеколу, что они уже погибли.

- Маргиана, моя дорогая, - произнёс Маннфред, подъехав поближе на своём скакуне. В руках он держал гигантский, обшитый человеческой кожей гримуар, все ещё покрытый пылью. - Почему бы тебе не присоединиться к празднованию? Ты, безусловно, заслуживаешь этого, сохранив жизнь моему последнему вложению, пусть и не здоровье. В старике всё ещё остаётся достаточно жизненной силы для моей цели. И я вынужден поблагодарить тебя за нахождение среди этих божественных глупцов столь долго в таком... как бы это сказать, - вампир мгновение смаковал своё остроумие, как изысканное вино, - неподобающем леди положении.

Фон Карштайн слегка взмахнул рукой. Мгновенно костяные прутья клетки-тюрьмы широко раздвинулись со скрежещущим скрипом, а кандалы, сковывавшие бретоннку, упали в трупную мульчу. Она ловко выпрыгнула из клетки и одним плавным движением подойдя к Деревенскому, вонзила клыки в шею друида. Тот забился и закричал, но Маржиана впилась ещё глубже, широко раскрыв глаза в тёмном восторге. Друид ещё мгновение боролся, а затем разок дёрнулся и затих.

Бретоннка вытащила шёлковый платок из своего изодранного наряда и вытерла кровь, вытекающую изо рта, улыбаясь Мордеколу, словно хищная кошка. Молодой жрец заметил длинные клыки среди её прекрасных белоснежных зубов. Она приложила палец к губам, багровые искры танцевали в её глазах. Внезапно Мордекол вспомнил истории о телепатической связи между вампиром и его сородичами и понял, что она, вероятно, всё это время передавала все их планы своему господину, Маннфреду фон Карштайну.

Процокали копыта - это фон Карштайн подъехал поближе, его проклятый паланкин плавно опустился вниз. Мордекол ощутил, как его кожа скукожилась от отвращения при приближении твари.

Страшная усталость наполнила его. Рядом Ольф споткнулся и упал, его глаза незряче смотрели на

красный блеск нечестивой раки.

- Благородные усилия, мои обманутые друзья, - произнёс вампир. - Но недостаточные.

Последнее, что увидел Мордекол перед тем, как красноватый свет поглотил его сознание - Маннфред, поглаживающий пыльный фолиант, баюкая его в руках, словно младенца, и тихо посмеиваясь.

- Нагаш... восстанет.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Костяная_клетка_/_The_Bone_Cage_\(рассказ\)&oldid=9379](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Костяная_клетка_/_The_Bone_Cage_(рассказ)&oldid=9379)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 11:45.